

Доклад 25.

Верность месту как нравственная и экзистенциальная проблема в контексте русского современного искусства

Сергей Владимирович Ряполов

Старший преподаватель кафедры философии
Московского государственного института культуры.

Рад приветствовать всех участников Большого Философского Собора. Хотел бы поблагодарить организаторов за возможность выступить. И я бы хотел начать с небольшого вступительного слова об актуальности темы, затрагиваемой мной сегодня, и вообще об актуальности нашего мероприятия.

Мне кажется, что в общемировом философском контексте в связи с историческими процессами, изменениями в социальной реальности особенно важными становятся темы общения, отношения, языка, цифровой реальности, и в том числе тема молчания. А тема молчания, тема молчаливого созерцания, как об этом писал Георгий Дмитриевич Гачев, российский культуролог, неизменно связана с темой природы, темой ландшафта, о чем и будет мой сегодняшний доклад.

Но важна и тема общения. Собор, насколько я понимаю, посвящен в том числе этому, на что указывает, по крайней мере, само слово «собор». И небольшое отступление – я сейчас активно изучаю философские, богословские сочинения современного греческого философа Христоса Яннараса. Он особенное внимание обращает на тему личности, на философию личности, указывает, что личность неизменно связана с общением, с отношением. Поэтому очень важно понимание Бога, например, как Троицы. Потому что это раскрывает божественное именно как личность, а не как субстанцию например. Но, возвращаясь к затронутой мной и обозначенной теме, я бы хотел говорить и о художнике и цифровой реальности, а мне кажется, что наш собор сейчас имеет дело именно с цифровой реальностью. Это и художник, интернет, искусство, и социальная реальность искусства, и цифровая реальность, художник и место, контекст и локальный контекст в том числе. Это очень важные и, как мне кажется, в условиях современности актуальные темы. Поста-

Верность месту как нравственная и экзистенциальная проблема

новка самого этого вопроса имеет большое значение не только в контексте темы понимания или эмпатии, темы изоляции, страха человека, но и в рамках вопроса о молчании. Поскольку бесконечное пустословие, которым пронизан современный мир, словно погружает в забытие, окутывает человека липким ощущением бессмысленности мира, его собственного бытия.

Мне бы хотелось процитировать уже упомянутого мной российско-го культуролога и философа Георгия Дмитриевича Гачева, писавшего: «Ну что ж, значит, и замолчать надо, и просто пребывать в некоем выражаемом созерцании, в тишине. Такое молчание исполнено, возможно, большего смысла, чем суeta суeta бесконечно повторяющегося пустословия. Современного человека гнетет молчание. Его гнетет тишина, возможно, она напоминает ему о смерти и становится невыносимой. Но тем не менее молчание – это в том числе и возможность обратиться к самому себе». Молчаливое созерцание невозможно без обращения к теме места. Генри Миллер писал: «И лишь очам души может быть явлен рай. Если в вашем раю есть недостатки, раскройте больше очей!»

Вопрос о месте играет важную роль и в современном искусстве. Многие современные российские и не только российские художники обращаются к теме места, к теме природы, к теме ландшафта. Вообще, Мартин Хайдеггер уже писал, что человек – это мыслящее, то есть осмысляющее существо. Чтобы размышлять, нам отнюдь не требуется перепрыгнуть через себя, достаточно остановиться на близлежащем и подумать о самом близком, о том, что касается каждого из нас здесь и сейчас. Здесь – на этом клочке родной земли, сейчас – в настоящий час мировой истории. Таким образом, тема места приобретает этическую окраску. Этой теме посвящен очень важный для меня текст обращения к интимности, опубликованный в номере 96 художественного журнала. В нем я отмечаю, что нескончаемый информационный поток становится современной разновидностью диктатуры. Формация теряет ценность, превращается в бесконечное пустословие, не дающее человеку сосредоточиться на вневременных, непреходящих странах его бытия. Она навязывает человеку определенный образ жизни, образ мысли, предлагает суррогаты веры и любви, и наиболее радикальным способом противостоят глобальному диктату становится возвращение к уникальным местам, связанным с человеческой индивидуальностью. И современное искусство тоже обращается к этой теме. Тема места, темы природы, духовного, метафизического, экзистенциального, нравственного измерения темы природы и темы ландшафта. Мне кажется, эта тема приобретает актуальность в контексте российского и мирово-

го современного искусства. В качестве примера можно вспомнить, например, работы Егора Плотникова. Вот сейчас можно посмотреть их на экране. Такой современный живописец, очень актуальный. Работы Евгении Буравлевой, работы Павла Отдельного, тоже очень известного и очень актуального современного живописца. Как мы видим, во всех них тема окружающего человека ландшафта приобретает значимое место и подчеркивает ее актуальность.

Но и интересна тема отношений художника с местом, в том числе с локальным контекстом, пожалуй, наиболее яркий пример выстраивания особенных отношений с местом – это Железнодорожный центр современного искусства в Курской области. Сейчас на экране фотография с открытия одной из выставок в Железнодорожном ЦСИ. Основательница Железнодорожного центра современного искусства Александра Дорофеева отмечает: «Когда «Цикорий» (это название Железнодорожного центра современного искусства) только возникал, мы поняли, что это что-то оживленное. Это не просто система, с ней нужно флиртовать, можно ее и обижать, нужно на нее обижаться и проявлять разные эмоции и чувства. Мы поняли, что хотим выйти в романтические отношения с институцией. А именно важность приобретает выстраивание отношений с институцией художников города и художников этого места». Важность отношений, важность общения, как мне кажется, это именно черта самоорганизации. Влияние художника на город – это очень важная тема. Железнодорожск в этом смысле является собой пример того, как художники и организованные ими пространства могут вступать в определенную систему взаимоотношений с тем местом, где они возникают. Таким образом они как-то влияют на локальный контекст, как-то локальный контекст, в свою очередь, влияет на них. Это, безусловно, тема для отдельного разговора.

Мне в августе 2020 года посчастливилось побывать в Железнодорожске, побывать на второй железнодорожной биеннале, которая проходила там с 21 по 30 августа 2020 года и которая во многом проиллюстрировала такое трепетное отношение. Мне посчастливилось принять в ней участие серией работ «Метель». Нужно, наверное, небольшое отступление сделать относительно моей личной истории. Дело в том, что все мои родные, все мои предки, насколько у меня хватает возможности заглянуть в глубь времен, все были крестьянами Воронежской губернии. Сейчас это, конечно, уже несколько областей: Липецкая, Белгородская, Воронежская – но тем не менее это всё один регион, это Черноземье, это крестьяне, это крестьянский образ жизни. И мне кажется, я в какой-то степени унаследовал это мироощущение крестьянина: особое трепет-

ное отношение к земле, к почве и вместе с тем мистическое восприятие земли. Земли как матери, земли как того, что дает жизнь, и вместе с тем земли как заступницы. Вообще, мне кажется, очень сложно говорить о русской культуре, о русской идее, не учитывая особенности русской природы, русского ландшафта.

Разве можно представить себе русскую культуру без русской равнины, без поля, где одна горизонтальная белая плоскость земли сливается с другой белой плоскостью неба на горизонте и границы между ними практически не различимы. Или, если мы говорим о ранней весне или поздней осени, без распаханной пашни с черноземом, которые, с одной стороны, дышат теплом и напоминают нам о том, что почва, чернозем рождает жизнь, рождает хлеб, а с другой стороны, это последнее пристанище умерших, земля, в которую их погребают. И все это вместе рождает ощущение слияния земного и небесного, рождения и смерти, жизни и умирания. Безусловно, в русском культурном пространстве это очень живо, это архетипическое восприятие земли как матери, как последней заступницы. Мать – сыра земля – это очень важный образ, можно даже сказать, архетип русской культуры. И, конечно, без всего этого невозможно в полной мере понять русскую культуру и русскую идею. Поэтому разговор о духовном и мистическом измерении русского ландшафта необычайно важен. В серии моих фотографий, которые я показывал в Железнодорожске, которые называются «Метель», я как раз обратился к теме связи себя с семьей, с местом, в котором я вырос, в котором я провел свое детство и которое во многом сформировало мое мироощущение, отношение к себе, к жизни, к самой реальности. И серия работ «Метель» – это серия фотографий, снятых на протяжении нескольких январских дней с одной и той же точки. Я попытался в ней раскрыть тему укорененности и заботы о месте.

Значительную роль в моей жизни играет пребывание в селе Горжанка Воронежской области, расположенном на берегу реки Дон, которая выступает не только естественной границей Воронежской и Липецкой областей, поскольку на противоположном берегу реки располагается село Донская Негачевка, из которого произрастает одна из ветвей моей семьи. В моем случае это еще в некотором смысле экзистенциальные границы. Потому в этой серии очень важен мотив переплетения рождения и смерти, отражающийся в образе распаханного заснеженного поля.

Вообще, темы ландшафта, темы природного в русской культуре и в русской философии играют очень важную роль. Нужно вспомнить русскую литературу, Николая Васильевича Гоголя например, с его рифмой

природы внешней и природы внутренней человека. Или современника Гоголя, архимандрита Феофана (в миру Петра Семеновича Авсенева), его я тоже не могу не упомянуть. Это мой земляк, он также родился в Воронежской губернии, учился в Воронежской духовной семинарии. И относительно сути русской культуры он писал, что в России мы видим слияние племен, которым благоприятствует ее ровное местоположение. У нас развивается та мысль, что различные племена должны сплавиться в один народ. Характер русский есть характер универсальный, с этой универсальностью русского характера согласуются многие высокие черты, замечаемые в нем. В числе этих черт заслуживают особого внимания необыкновенная терпеливость русского народа, всеобщая живость, великодушие и благодушие, прямота и открытость характера, отсутствие в нем страстной раздражительности, порывистости и прочего. Это ровное, спокойное настроение духа отражается, между прочим, и в тоне народной песни, сменяясь, впрочем, на время шумным и стремительно быстрым песенным разгоном. Философ отмечал, что душа приносит с собой в бытие земное одни только возможности, или начало мыслей, или идеи, а самые формы для них сообщает ей мир действительный.

Так что всё образование нашего духа, тот или иной склад и характер его деятельности большей частью бывает верным отпечаткам местной природы, среди которой он развивается и образуется. Похожие мысли уже в XX веке можно обнаружить у Ивана Александровича Ильина, писавшего о доброте, ласковости и гостеприимстве, а также свободолюбии русских, славян, о чем свидетельствуют единогласно древние источники, и византийские, и арабские. Русская народная сказка вся проникнута певучим добродушием, русская песня – прямым изливанием сердечного чувства во всех его видоизменениях, русский танец – импровизация переполненного чувства. Этот дух живет в русской поэзии, литературе, русской живописи, в русской музыке. История русского правосознания свидетельствует о постепенном проникновении его этим духом, духом братского сочувствия и индивидуализирующей справедливости. Русская медицинская школа есть его прямое порождение. И, как отмечал Ильин, созерцание случилось, прежде всего, в наше равнинное пространство, нашу природу с ее долами, облаками с ее реками, лесами, грозами и метелями, но сердце и созерцание дышит свободно.

Эта внутренняя свобода чувствуется у нас во всем: в медлительной плавности, певучести русской речи, в русской походке, жестикуляции, в русской одежде и пляске, в русской пище. Русский мир жил, рос в про-

странственных просторах и сам тяготел к просторной нестесненности. Об этой бескрайности писал в «Русской идее» Николай Александрович Бердяев, это знаменитые его слова о том, что есть соответствие между необъятностью, безгранностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной. Душа русского народа есть такая же необъятность, безгранность, устремленность в бесконечность, как и русская равнина. Поэтому если мы говорим о русской природе, ландшафте, его духовном метафизическом измерении, то нужно вспомнить о том, что, как отмечал Лев Николаевич Гумилев, уничтожение ландшафта уничтожает и нацию, уничтожение ландшафта это и есть геноцид нации, поэтому о сохранении русской природы, сохранении русского ландшафта просто необходимо говорить на таких мероприятиях, посвященных теме русской идеи.

Безусловно, в настоящее время в философии тема природы, ландшафта является одной из самых актуальных, в том числе и в современной русской философии. Можно вспомнить известную работу Валерия Подороги «Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX веков».

Тут нам нужно обратить внимание именно на экзистенциальное переживание природы, связи природы с этикой и нравственностью, с экзистенцией человека, с его духовным измерением в первую очередь. И вот другой, очень близкий мне и, как мне кажется, очень искренний пример осмысления темы места в художественной практике – это работа сербской художницы Невены Поледицы. В одном из своих интервью она отмечает: «Сегодня мы перенасыщены впечатлениями. Достаточно вбить в Google какой-нибудь термин, и ты увидишь тысячи связанных с ним фотографий. В этом смысле мы утратили способность осознавать их. Вот почему мне понадобилось увидеть всю красоту, которая скрывается за внешним видом. Ты можешь почувствовать себя удивительно связанным, например, с деревом, если стоять возле него какое-то время – это прекрасно». И эта перенасыщенность впечатлениями, которую отмечает художница, в некотором смысле, как мне кажется, созвучна словам Жана Бодрийяра, когда политично всё и ничто больше не политично. Само это слово теряет смысл, когда сексуально всё и ничто больше не сексуально. Понятие секса невозможно определить, когда эстетично всё и ничто более не является ни прекрасным, ни безобразным, даже искусство исчезает.

Это опять возвращает нас к теме молчаливого созерцания, которую я затронул ранее. Ну и конечно, к теме цифровой реальности, критика которой сегодня звучит как от консервативных мыслителей, так и от

неомарксистов в лице, например, Бориса Ефимовича Гройса, который пишет о том, что современные социальные сети похожи на то, чем были фабрики во времена Карла Маркса. И пользователи социальных сетей эксплуатируются так же, как эксплуатировались работники фабрик в XIX веке. Когда мы просматриваем ленту новостей, мы как бы создаем прибавочную стоимость для крупных международных корпораций.

Но если несколько отклониться от такой неомарксистской критики, а приблизиться больше к критике, связанной с консервативной мыслью, то, конечно, здесь нужно вернуться к уже упоминавшейся мысли Льва Николаевича Гумилева о том, что ландшафт связан с нацией. И уничтожение ландшафта, безусловно, ведет и к уничтожению нации. Мартин Хайдеггер писал о немцах и немецкой нации в своей известной статье «Отрешенность»: «Час за часом, день за днем они проводят у телевизора и радиоприемника, прикованные к ним. Раз в неделю кино вводит их в непривычное зачастую лишь свою пошлостью вообразимое царство, пытающееся заменить мир, но которое не есть мир. «Иллюстрированная газета» доступна всем. Как и всё, с помощью чего современные средства информации ежечасно стимулируют человека, наступают на него и гонят его – всё, что уже сегодня ближе к человеку, чем пашни вокруг его двора, небо над землей, ближе, чем смена ночи днем, чем обычные нравы его села, чем предание его родного мира». И обращаясь к теме места, присягая на верность месту, современный человек высказывает тем самым, наверное, наиболее критическое отношение к современной социальной реальности.

Эта тема в современном российском искусстве, безусловно, также приобретает актуальность. Я уже говорил о некоторых примерах обращения художников к теме природы. И есть более яркие примеры. Вот, например, работы Димы Филиппова, современного художника, работы Николая Онищенко, вот некоторые мои работы, сейчас на экране вы можете видеть одну из моих недавних работ, посвященных теме связи с местом, посвященных теме ландшафта, это дорога, входящая в заснеженное пространство между двух распаханых зимних полей. Это работы моего товарища Егора Остапченко. Я так быстро пролистал свои работы, но на инсталляции Егора Остапченко хотел бы остановиться подробнее. Это мой приятель, мой соратник, можно сказать. Хотя по каким-то вопросам у нас точки зрения очень сильно отличаются, но тем не менее я признаю его близость ко мне в каких-то вопросах.

Вот, я считаю, прекрасная инсталляция в хуторе на юге России, связанная и с ландшафтом этого места, и с холмами, горами, которые мы видим на горизонте, и цветущим шалфеем. Множество других приме-

ров, но мне кажется, что важно здесь именно это обращение современных авторов к теме места, к теме ландшафта, к теме природы. И, как я уже говорил, эта тема очень важна в контексте разговора о русской идее, русской культуре, русской философии. Потому что без русской природы невозможна русская культура. Соответственно, невозможна русская идея.

Поэтому, мне кажется, всем нам очень важно обратить внимание на особенности русского ландшафта, во многом сформировавшие специфику и оригинальность нашей культуры.